

Режиссёр кивнул, понимая, что этот молодой человек ещё более самоуверен, чем предыдущий. Если он оступится из-за своей дерзости, это будет его собственной ошибкой.

Фань Лихуа сняла половину грима и головной убор, и времени на то, чтобы снова надеть его, не было. Она наспех надела розовый сценический костюм для женских ролей и поспешила на сцену, к счастью, грим ещё держался. Она тихо сказала Шан Сижую:

— «Неудачная пара. Разбойники подняли мятеж».

Шан Сижуй кивнул, и струны его хуциня зазвучали, как текущая вода, плотно обволакивая голос актрисы. Это и было то, что он называл «поддержкой голоса». Звук следовал за каждым нюансом, заполняя пробелы, и это было «следование голосу». Чэн Фэнтай не мог понять всех тонкостей, но ощущал, как музыка текла легко и изящно, в то время как Фань Лянь наслаждался каждым моментом, покачивая головой. Чэн Фэнтай спросил:

— Что, хорошо?

Фань Лянь ответил:

— Не просто хорошо. Неожиданно! У него есть талант!

Десять строк западной пьесы пролетели, как поток воды. Зрители встали и аплодировали, неясно, чему они рукоплескали — голосу или музыке. Затем все взгляды обратились к музыканту, ожидая, как он проявит своё уважение. Музыкант, красный от смущения, поклонился Шан Сижую:

— Я понял!

С этими словами он бросил свой хуцинь и, расталкивая людей, ушёл.

В этом спектакле Шан Сижуй стал звездой, но зрители были даже более рады, чем он сам. Особенно режиссёр, который спешил подать ему чай и смахнуть пыль с одежды, словно он был редким сокровищем.

Министр Цзинь подозвал Шан Сижую и сказал с улыбкой:

— Маэстро Шан, это было великолепно!

Это был комплимент, но лицо Шан Сижую покраснело. Он скромно стоял перед министром и сказал:

— Я извиняюсь за то, что нарушил ваш вечер.

Министр Цзинь посмотрел на него с улыбкой, а затем неожиданно сказал:

— Да. Музыкант был неправ, но ошибка была только в его части. Разве не вы, маэстро Шан, выйдя на сцену, нарушили весь спектакль?

Все были ошеломлены, не ожидая, что министр Цзинь скажет что-то подобное, чтобы усложнить Шан Сижую.

Шан Сижуй на мгновение замер, но быстро оправился и спокойно ответил:

— Даже самый красивый цветок нуждается в зелени. В спектакле все части связаны, и если одна из них нарушена, как остальные могут быть хороши? Наш долг — выкладываться полностью, а не скрывать недостатки и обманывать зрителей.

Министр Цзинь, услышав это, был слегка удивлён, но в основном восхищён. Он глубоко кивнул:

— Хорошо, вы говорите очень хорошо.

С момента первой встречи с Шан Сижуюем он заметил, что его манера игры напоминала Нин Цзюлана, а теперь, видя его ответы и понимание, он понял, что они равны. Искренне восхитившись, он добавил:

— Если бы все были такими, как вы, не боялись трудностей, не искали лёгких путей и стремились к совершенству, Китай стал бы сильнее.

Чэн Фэнтай и Фань Лянь переглянулись, не зная, намеренно ли министр Цзинь сказал это, но его слова звучали как упрёк в их адрес, и возразить было нечего. Старый лис знал, как поставить на место.

Министр Цзинь повернулся к режиссёру и приказал:

— Пусть спектакль продолжается, а я поговорю с маэстро Шаном.

Режиссёр велел принести стул для Шан Сижую и ушёл. Министр Цзинь больше не интересовался спектаклем, сосредоточившись на разговоре с Шан Сижуюем:

— В роли Сюэ Цзиньяня я заметил несколько движений, которые раньше не видел. Откуда они?

Шан Сижуй знал, что министр Цзинь был близким другом Нин Цзюлана и знатоком оперы, поэтому относился к нему с уважением:

— Это мои добавления. Как вам?

Министр Цзинь кивнул:

— Отлично. Думаю, стоит всегда так играть.

Затем он улыбнулся:

— Вы и Нин Цзюлан разделяете это стремление. Нин Цзюлан всегда говорил о реформе оперы, но он был осторожен и лишь немного изменял традиции. Только встретив вас, он начал серьёзно экспериментировать. Помню, несколько лет назад вы с ним сыграли «Цветок императорской дочери». Говорят, текст был великолепен, а движения и пение ещё лучше.

Министр Цзинь улыбнулся, словно вспоминая что-то забавное:

— Князь Ци даже высказал некоторые резкие слова, которые вызвали недовольство партии. Это говорит о том, что спектакль был действительно удачным.

Шан Сижуй ответил:

— Текст написал Ду Ци, а движения и пение мы с Нин Цзюланом добавили.

— Жаль, что я тогда был в Нанкине и пропустил это. Говорят, позже вы играли эту пьесу в Тяньцзине для императора?

Министр Цзинь вздохнул:

— И говорят, когда вы пели «Чья империя будет вечной», император заплакал?

Тот спектакль был величайшей честью для Шан Сижуйя. После падения династии Цин прошло не так много времени, и остатки императорской славы ещё сохранялись. Актёры, игравшие роли императоров и генералов, были связаны с древними традициями и глубоко уважали старый режим. Поэтому это, вероятно, останется величайшей честью в его жизни. После спектакля император лично похвалил его и подарил ему веер с изображением пионов и красных слив, на котором была надпись императора и его личная печать.

Однако Шан Сижуй, подумав, ответил:

— Я не знаю, плакал ли император. Когда я играю, я никогда не смотрю на зрителей.

Для Шан Сижуйя император был просто ещё одним зрителем. Чэн Фэнтай удивился: этот молодой актёр действительно говорил с невероятной уверенностью!

— А сейчас «Цветок императорской дочери» ещё играют?

Шан Сижуй ответил:

— После ухода Нин Цзюлана эту пьесу больше не ставят.

— Почему?

— Другие актёры не могут передать то, что делал Нин Цзюлан.

Министр Цзинь задумался, а затем спросил:

— Вы всё ещё общаетесь с Нин Цзюланом?

Фань Лянь подмигнул Чэн Фэнтаю, намекая послушать этот разговор, но Чэн Фэнтай и так внимательно слушал.

— Спасибо вам, с Нин Цзюланом всё хорошо. Только его голос уже не тот, и он больше не играет. Теперь он каждый день играет в карты с князем Ци.

Чэн Фэнтай и Фань Лянь подумали, что Шан Сижуй был слишком откровенен. В Бэйпине все знали, что министр Цзинь и Нин Цзюлан когда-то были близки. Хотя их отношения остались в прошлом, говорить о том, как Нин Цзюлан теперь развлекается с князем Ци, было не слишком тактично.

Министр Цзинь, однако, не изменился в лице и с улыбкой сказал:

— Это хорошо. Он играл всю жизнь, теперь ему пора отдохнуть.

В этот момент к нему подошёл слуга, чтобы сообщить о важном звонке из Нанкина. Министр Цзинь извинился и ушёл. Как только он ушёл, лицо Шан Сижую оживилось, и Чэн Фэнтай схватил его за руку, усадив на стул министра. Шан Сижуй рассмеялся, а Фань Лянь уже налил ему чашу вина.

Фань Лянь, смеясь, тихо сказал:

— Сижуй, ты мастер слов! Вот уж точно знаешь, как держать себя в рамках! Посмотри, как ты начал разговор, и этот старый хромой чуть не отчитал нас!

Он поднёс чашу к губам Шан Сижую, заставив его выпить. Шан Сижуй, не понимая, в чём дело, выпил слишком быстро и закашлялся. Чэн Фэнтай взял засахаренную розу с блюда и поднёс к его губам. Шан Сижуй укусил её, и кашель постепенно утих.

— Маэстро Шан, вкусно?

— Да. Вкусно.

— Хотите ещё?

Шан Сижуй, как ребёнок, любил сладкое и с надеждой посмотрел на него:

— Хочу!

На самом деле, блюдо с фруктами было рядом, и он мог взять их сам, но Шан Сижуй в обществе был очень скован и боялся лишний раз пошевелиться.

Чэн Фэнтай сказал:

— Если вы расскажете нам одну вещь о министре Цзине, всё это блюдо будет ваше.

— Что за вещь?

Чэн Фэнтай взглянул на Фань Ляня, который, видимо, догадался, и улыбнулся с хитринкой. Чэн Фэнтай сказал:

— Вы заметили, что министр Цзинь постоянно говорит о Нин Цзюлане? Какие у них были отношения, расскажите нам.

Шан Сижуй задумался и тихо ответил:

— Я не знаю.

— Как это не знаете? Вы же были близки с Нин Цзюланом?

<http://bllate.org/book/15435/1368558>